

Я невольно коснулся шрама. Ожог был небольшим, поэтому остался лишь едва заметный след. Он напоминал пятно от очень слабого ячменного чая. Кончиками пальцев я чувствовал неровную, шероховатую кожу.

Его беспокойство меня смутило, поэтому я постарался ответить как можно непринужденнее.

— Я ведь говорил, что работал на кухне?

— А, точно.

Он негромко хмыкнул, будто что-то вспомнил.

— Я не был шеф-поваром или кем-то важным, просто помощником. Масло брызнуло, когда готовил... Ничего серьезного, но шрам остался.

— Плохо лечили?

— Наверное, нормально. Зажило же. Просто на сведение шрамов нужны деньги... Да и он почти незаметен.

— Хм.

Он потер подбородок большим пальцем. Его взгляд все еще был прикован к шраму.

— Не стоит переживать. Он совсем не болит, а многие и вовсе принимают его за родимое пятно. Все в порядке.

Людей с такими отметинами много, так что некоторые и правда не верили, что это ожог. Я прикрыл шрам ладонью и отвел глаза. От пристального внимания Со Джинхёка по коже поползли мурашки.

Когда он наконец перестал разглядывать мою руку, наши взгляды встретились, но я тут же отвернулся. В отличие от него, спокойного и беспристрастного, мне было тяжело выдерживать этот контакт.

Видимо, он удовлетворил свое любопытство, потому что снова принялся за еду. Со Джинхёк ел молча, в его манерах чувствовалось безупречное воспитание.

Я же привык к подработкам, где на обед не давали и минуты. Из-за этой привычки я ел слишком быстро, почти заглатывая куски, поэтому теперь приходилось сознательно замедляться. Я жевал медленнее, чем обычно, стараясь подстроиться под его темп.

— Слушайте, а...

Я заговорил только тогда, когда его тарелка почти опустела. В ответ на мой голос он приподнял бровь. У него были асимметричные веки, поэтому из-за одной складки лицо казалось чуть нахмуренным, хотя он вряд ли вкладывал в это смысл.

— Не знаю, можно ли спрашивать о таком.

Я замаялся, подбирая слова. Он прервал трапезу, смочил губы чаем и слегка наклонил голову.

— Говорите.

— ...

— Все в порядке. Если вопрос будет грубым, я просто не отвечу.

Получив разрешение, я наконец решился озвучить то, что давно меня мучило.

— Вы... занимаетесь частным ростовщичеством?

— Ростовщичеством?

Он округлил глаза, будто услышал какую-то бессмыслицу.

— Вы имеете в виду не корпоративные облигации, а нелегальные займы?

— Облигации?

Мы оба в замешательстве уставились друг на друга. Первым ошибку осознал Со Джинхёк.

— Кто вам такое сказал... Я не ростовщик.

— В «Нанте» люди говорили, что вы связаны с группировками... — пробормотал я в оправдание.

Со Джинхёк слегка приоткрыл рот и выдохнул.

— Боже мой.

Его лицо странно исказилось. Казалось, он одновременно злится и сдерживает смех. Со Джинхёк провел ладонью по щеке.

— Я занимаюсь займами, но выкупаю облигации компаний. Конечно, мы кредитуем и частных лиц, но это не подпольный бизнес.

Он тихо заговорил, мерно постукивая пальцем по столу.

— Значит, вы приняли меня за бандита.

— Нет! То есть... вы, конечно, очень добры, но...

В его голосе проскользнуло раздражение, и я испугался, что он разозлился. Я попытался оправдаться, но он меня перебил.

— Я так похож на бандита?

Он все еще смотрел на меня с тем же двусмысленным выражением лица. Что мне ответить? Я боялся, что мои поспешные выводы оскорбили его.

Я застыл в оцепенении. Со Джинхёк наблюдал за мной, и вдруг его лицо изменилось. Суровая маска спала, он не выдержал и прикусил губу, подавляя смех.

Только тогда я понял: он не злится. Он просто подшучивал надо мной.

— Да быть не может.

Он мягко улыбнулся. Глаза без складок на веках превратились в узкие полумесяцы. Он

медленно зачесал назад растрепавшиеся волосы. Словно открывал лицо, позволяя рассмотреть себя получше.

— Ведь так?

— Да... — выдохнул я, словно под гипнозом.

Он был прав: в нем не было ничего от бандита. Тонкие черты лица и эта странная асимметрия глаз завораживали. Пальцы, которыми он только что небрежно поправил прическу, были белыми, без единого шрама.

— На самом деле, слухи про группировки возникли не на пустом месте. Когда мой дед начинал кредитовать бизнес, он действительно был связан с подобными структурами. В денежных делах без этого не обходилось. Мне стыдно это признавать, но это правда.

Со Джинхёк коснулся пальцем нижней губы.

— Еще при отце мы начали рвать связи с криминалом, а я завершаю этот процесс. У меня компания во втором финансовом секторе. Мы выкупаем корпоративные облигации, занимаемся факторингом дебиторской задолженности и обеспечиваем оборот наличности в производстве. И да, выдаем потребительские кредиты.

— А.

Я плохо разбирался в его делах, но понимал: официальные кредиты — это не бандитский счетчик. Вокруг меня было полно людей, чьи жизни пошли под откос из-за обналичивания карт и ростовщиков. Между легальным займом и долговой ямой — пропасть.

Я сильно ошибался. Даже если в прошлом его семья имела отношение к бандам, сейчас он был ни при чем.

— Простите. Все говорили про мафиозные круги, вот я и подумал на ростовщичество.

Я поспешно извинился. Зря я поверил слухам. Стоило поискать информацию получше, и я бы узнал, что он — уважаемый директор солидной фирмы.

— Ничего страшного. Я вас понимаю. С таким прошлым неудивительно, что люди так думают. К тому же сейчас даже крупные ростовщики сидят в офисах в Каннаме и называют себя «капитал-группами». По названию и не отличишь.

Он спокойно и терпеливо развеивал мои заблуждения.

— Если будет что-то интересно — спрашивайте. Как я уже сказал, на неудобный вопрос я могу не ответить, но злиться не стану. В любом случае... это забавно. Впервые кто-то говорит мне такое в лицо.

— Извините.

Я извинился на автомате, почувствовав в его словах легкое недоумение. Со Джинхёк забавно поморщился, будто успокаивая ребенка.

— Нет, не нужно извиняться. Просто мне правда давно не было так весело.

— Да, я понял.

Я слабо улыбнулся в ответ. Стало ясно, что Со Джинхёк просто старается поднять мне настроение.

Я уже знал, что это нелепое выражение лица появляется у него, когда он чувствует неловкость. Иногда он так старался показать свою безобидность — то натянуто улыбался, то морщился, лишь бы я не боялся.

Будто он сам считает себя каким-то чудовищем. Его старания вызывают уважение, но в то же время пугают — из-за них хочется надеяться на слишком многое.

— Не нужно чувствовать себя виноватым передо мной. Мне тоже неловко... Раз уж я вас немного напугал, давайте закажем еще чего-нибудь вкусного, чтобы поднять настроение.

Он позвал официанта и заказал десерты и напитки.

Когда мы доели основное блюдо, стол заставили сладостями: сорбет из хурмы, яква по-кэсонски, желе из лимонника. Столько мне было не съесть.

Я осторожно произнес:

— Я не справлюсь с таким количеством.

— Попробуйте и оставьте. Я специально заказал много, чтобы вы могли съесть по кусочку от каждого.

Он ответил это как нечто само собой разумеющееся и отхпил немного сучжонгвы.

Следуя его совету, я начал пробовать десерты. Особенно впечатлила яква — она совсем не походила на ту, что продают в магазинах. С каждым укусом из слоеного теста вытекал ароматный мед.

— Кстати, Асель.

— Да?

Я как раз собирался отправить в рот еще один кусочек яквы. Со Джинхёк кривовато усмехнулся.

— Если бы я и правда был бандитом, вам стоило бы бежать отсюда со всех ног. А не идти со мной в ресторан.

После ужина мы, как и договаривались, пошли гулять в сад.

Было уже начало восьмого, но летом солнце заходит поздно. Стоило выйти из кондиционированного зала, как к щекам прилип тяжелый, нагретый за день воздух.

Издали доносились отголоски чьих-то голосов, которые вскоре затихли. Их сменил нестройный хор цикад и ночных насекомых — шумный звук лета.

Среди бамбуковой рощи, посаженной специально для прогулок, вилась узкая тропинка. Сад содержали в идеальном порядке: ни одной треснувшей черепицы на ограде.

Я не сдержал восхищения:

— Не знал, что в Кёнгидо есть такие места.

— Раньше здесь был дом для приемов, но потом его выкупила бывшая придворная повариха, скопившая приличное состояние. Она собрала старых мастеров и открыла это место. Сейчас рецепты немного изменились, но те десерты, что нам подавали — квапён из лимонника и вишни, — раньше ели только во дворце.

Видимо, то желе и было этими квапёне. Текстура и правда казалась необычной.

Я кружил на одном месте, боясь наткнуться на других посетителей, но Со Джинхёк кивнул вперед:

— Идите дальше. Там есть прогулочная тропа.

Я помедлил, но все же пошел по дорожке.

За поворотом, вдоль стены ханока, показался небольшой пруд. На воде цвели лотосы, повсюду плавала рыбка, а между стеблей скользили белые карпы с красными пятнами.

— В пруду карпы. Их здесь разводят?

— Да, это кои. Я вспомнил, что вы любите животных.

Он сказал это так, будто специально привел меня сюда.

— Спросить, можно ли их покормить?

Каждый раз, когда он запоминал такие мелочи и проявлял заботу, мне хотелось обманываться. Я придавал его поступкам слишком большое значение, надеялся, а потом снова разочаровывался.

Со Джинхёк сказал, что от опасных людей нужно бежать, но... Он не знает, что я уже пытался от него сбежать.

Тогда я чувствовал к нему сильное влечение, но с ним еще можно было справиться. Знаете, бывает такое — встретишь прохожего, с которым хочется заговорить. Ровно то же чувство. Хотелось познакомиться поближе, но не обязательно связывать судьбы. Удержала меня именно доброта Со Джинхёка.

Видя, что он готов позвать официанта, я поспешно отказался.

— Нет, не нужно. Карпов можно покормить и в другом месте.

— Хорошо.

Он не стал настаивать и сразу отступил.

В бамбуковой роще было свежо, несмотря на душный вечер. Я сел на корточки у воды. Карпы сновали между лотосами и кувшинками, то подплывая к самому берегу, то уходя на глубину.

Со Джинхёк полез в карман и достал сигареты. Он уже собирался закурить, но, встретившись со мной взглядом, убрал их обратно.

— Можете курить. Я тоже курю.

— Нет. Здесь запрещено.

Хотя он и сослался на правила, я видел: он спрятал пачку именно из-за меня. Впрочем, он всегда соблюдал приличия. Даже при нашей первой встрече он не стал курить внутри кабинета.

Конечно, в VIP-залах гостям никто не смеет указывать. Персоналу проще потом проветрить комнату и вымыть все с хлоркой. Это Со Джинхёк был «странным» — он уточнял правила и следовал им.

— Мы немного прошлись, еда улеглась. Уже поздно, пора ехать. Вы же занятой человек.

Заметив, что сумерки сгущаются, я поднялся и отряхнул одежду. Не хотелось больше отвлекать его от дел ради опеки над сиротой. Этого было достаточно.

В саду один за другим загорались электрические фонари, стилизованные под каменные светильники. Тропинка в роще была ярко освещена, так что споткнуться было невозможно.

Я шел впереди, но обернулся проверить, идет ли он следом. Со Джинхёк пристально смотрел на меня. Я хотел спросить, в чем дело, но он поманил меня пальцем.

— Подойдите.

— Что?

Я рефлекторно отступил на шаг. Он улыбнулся и протянул руку.

Я с трудом подавил желание зажмуриться. Со Джинхёк коснулся моих волос и показал зажатый в пальцах алый лепесток.

— В волосах запутался.

Это был лепесток мирта. Видимо, упал на голову, когда мы проходили мимо деревьев.

Он стоял слишком близко. Я почувствовал его феромоны, пускай и едва уловимые.

— Директор Со.

Я позвал его импульсивно. Со Джинхёк удивленно вскинул брови, но ответил спокойно:

— Да.

— Говорят, у вас скоро день рождения.

На его лице промелькнула неловкая улыбка.

— Видимо, Ли Джэсок проболтался.

— Я сам спросил. Хотел сделать вам подарок.

— Не забивайте голову. Если хотите что-то сделать — учитесь лучше и сдайте экзамены.

Он протянул мне лепесток и мягко отказал.

Ли Джэсок тоже говорил мне об этом. Со Джинхёк ничего от меня не ждет. Я и сам понимаю: мои возможности ограничены. Скорее всего, ему не нужна даже моя симпатия.

Но сердцу не прикажешь. Я сжал лепесток в ладони и продолжил:

— Вы столько для меня сделали.

— Я просто навязал вам то, от чего вы отказывались.

— И все же. В итоге моя жизнь стала лучше. Работа у хёна Джэсока, подготовка к экзаменам... Я впервые ходил в музей с вами, и здесь мне тоже очень понравилось.

Я начал перечислять, и сам поразился тому, как много он мне дал.

Со Джинхёк мог бы сказать, что просто заботится обо мне как о младшем брате, или что это была случайная щедрость. Я могу только гадать.

Но благодаря этой щедрости последние месяцы стали самыми счастливыми в моей жизни. Мне не нужно надрываться на тяжелой работе, я живу в достатке и вижусь с ним.

Многие ошибаются.

Они болтают, что лицемерие хуже откровенного зла. Но это чушь. Важно лишь то, что кто-то получил помощь. Плевать, делает это лицемер для самоутверждения или ради имиджа — все эти обвинения пусты.

Мне все равно, почему Со Джинхёк так добр ко мне. Важен результат.

— Поэтому позвольте мне угостить вас праздничным ужином.

— Хм...

Он неопределенно улыбнулся.

— У меня нет привычки обедать детей.

— Нет, я не об этом. Я хочу сам для вас приготовить.

Я давно об этом думал. Что бы я ни купил, для него это не будет иметь ценности. У Ли Джэсока часы стоят миллионы, а Со Джинхёк может скупить весь универмаг и не заметить. Даже его винная рубашка наверняка стоит больше, чем я могу себе представить.

Что я умею лучше всего? Обслуживать, убирать и готовить. Ответ был очевиден.

— Мне еще никто не говорил, что я плохо готовлю. Дома я ленюсь, но Ли Джэсок подтвердит: готовить я умею.

— И все же...

Он все еще сомневался.

— Если так рассуждать, то Ли Джэсок постоянно ест то, что я приготовил.

После этой шутки Со Джинхёк наконец расслабился.

— Пожалуйста, позвольте мне сделать этот подарок.

— Хорошо. Но продукты куплю я.

— Я и сам могу...

— Я хочу что-нибудь дорогое. Принесете мне чеки, и не вздумайте тратить свои деньги.

От его шуточной угрозы я невольно рассмеялся.

<http://bllate.org/book/17249/1731541>